

тым гуннским набегом в Причерноморье. Плетнева полагает, что с VI в. Гермонасса — Тмутаракань снова находилась под византийской властью.

Второй период начинается с захвата города хазарами в конце VII в. Археологически этот период характеризуется распространением салтово-маяцкой керамики: лепные кувшины и миски заменяются великолепными лощеными сосудами, сделанными на кругу. Плетнева говорит в связи с этим о «появлении в городе ремесла» (стр. 66). «Ремесленные гончарные мастерские возникли здесь в VIII в. по инициативе пришедших вместе с хазарскими властями новых поселенцев» (стр. 67).

Время русского господства совпадает с упадком ремесла и торговли в Тмутаракани: из торгового города она превращается в военный пост. По словам Плетневой (стр. 69), «в XI в. связи (Тмутаракани) с Византией ослабели или даже совсем заглохли». Напротив, после ухода русских (в начале XII в.) растет население города, улучшается керамика, оживляются торговые связи с Византией и Херсоном. В доловецкий период исчезают сосуды, свойственные кочевникам; половцы, оседавшие в Тмутаракани, пользовались той же посудой, что и основное население города (стр. 71 и сл.).

В татарский период город оставался крупным торговым центром, но под властью генуэзцев замечаются следы «затухания жизни» в нем. В конце XV в. Тмутаракань была взята турками и стерта с лица земли.

Такова стройная и новая концепция, обоснованная Плетневой преимущественно на керамическом материале. Нет нужды специально подчеркивать важность этого первого опыта периодизации истории Тмутаракани, однако естественно, что некоторые положения автора представляются пока еще спорными, недостаточно аргументированными. Попробуем проверить их на доступных в настоящее время археологических и письменных материалах.

Прежде всего, неясно, как переход от позднеантичного города (если считать, что до конца VII в. Гермонасса — Тмутаракань оставалась позднеантичным полисом) к хазарскому мог сопровождаться «появлением (!) ремесла» или хотя бы просто его расширением. Если мы обратимся к статье Н. П. Сорокиной «Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища», опубликованной в рецензируемом сборнике (стр. 134—170), то перед нами обнаружится несколько иная картина: по мнению автора, «после IV—V вв. спрос на стеклянную посуду у населения города сводится до минимума» (стр. 160); стекло VI—VIII вв. значительно хуже по качеству и встречается редко.

Таким образом, данные о раннесредневековом стекле в какой-то мере противоречат выводу о сохранении позднеантичных устоев до VIII в.: если судить по находкам стекла, упадок города был замечен уже в VI в. Сейчас еще рано выносить окончательный вердикт — я хотел бы только обратить внимание на противоречивость результатов, полученных Плетневой и Сорокиной. Но если город действительно переживал упадок в VI—VII вв., становится понятным, почему хазарское завоевание могло привести к подъему экономики.

Недоумение вызывает и оценка Плетневой экономического развития Тмутаракани в X—XI вв. Вправе ли мы говорить о прекращении византино-таманской торговли в эти века? Весьма сомнительно.

В том же сборнике мы найдем статью В. В. Кропоткина о византийских монетах из Тмутаракани (стр. 175—185). Из табл. 1 видно, что основная масса найденных в Тмутаракани византийских монет (в том числе херсоно-византийских и подражаний миллиарсиям) относится именно к X—XI вв. [таблица Кропоткина несколько смешена: к монетам X в. причислены монеты X—XI вв.: а) серебряная монета Василия II (976—1025) или Михаила VII (1071—1078); б) анонимные монеты X—XI вв.; в) подражания миллиарсиям Василия II].

Но в последнее время к нумизматическим данным стало модным относиться скептически — обратимся к свидетельствам археологии. Т. И. Макарова специально обследовала поливную керамику Таманского городища (стр. 73—95), значительная часть которой — импорт из Византии. По материалам Макаровой, белоглиняная посуда с желтой и зеленой поливой (IX—X вв.) представлена в Тмутаракани небольшим числом экземпляров — куда обильнее находки красноглиняной посуды с орнаментом врезной линией (граффити), датируемой XI—началом XII в. Из описанных автором фрагментов византийской керамики 7 отнесены к IX—X вв., 14 — к XI—началу XII в., 25 — к XII—XIII вв. Макарова прямо говорит о «малочисленности» фрагментов поливной посуды IX—X вв. (стр. 77). Правда, стремясь согласовать свои наблюдения с выводами Плетневой, она пишет в другом месте (стр. 94): «XI в. — время существования русского Тмутараканского княжества — совпадает с сокращением ввоза византийской посуды», но эти слова Макаровой противоречат ее собственным данным: ввоз поливной керамики скорее увеличивается в XI в., чем сокращается.

Наконец, тезис Плетневой о прекращении византино-таманской торговли в XI в. не подтверждается и материалом статьи Ю. Л. Шаповой о стеклянных изделиях средневековой Тмутаракани (стр. 102—133). Основное внимание Шапова уделяет стеклянным браслетам, среди которых немало чисто византийских или имеющих аналогию